

МИРМЕХДИ АГАОГЛУ

За день до праздника

Зарисовка

Перевод Ниджата МАМЕДОВА

Руки стали мешать ему, как только он вышел из дома. Он ощущал себя кораблем, желающим избавиться от лишнего груза в первом же порту. Он не знал, куда деть руки в такси, а когда зашел в поликлинику, они не хотели смиренно лежать в карманах: оставшись без присмотра, они то гладили выцветшие доски регистратуры, то пытались теревить лицо. Необходимо было все время следить за ними! Он чувствовал, что его руки выходят из-под контроля, как мятежники, которые отказываются подчиняться центральной исполнительной власти. Но в такой напряженный период недопустимо терять контроль! Он мог бы кое-как справиться с руками, но как насчет соседних «стран»? Они оставили свои границы полностью без наблюдения, не придерживаясь никакого карантина. Вот, например, этот мужчина. Он появился откуда-то, как фокусник, и встал рядом, не соблюдая социальной дистанции:

– Куда это прикрепить? – спросил он хриплым грубым голосом, не ввязавшись с его маленьким ростом, поднимая над головой, как трофей, пластиковую мыльницу, в которой в эти дни мог быть только спирт для дезинфекции.

Он вздрогнул, вздрогнули и толстая медсестра, исчезнувшая среди карточек по ту сторону широкого незастекленного окна регистратуры, и медсестра с длинными желтыми волосами, заполнявшая его карточку.

– Что? – равнодушно спросила пухлая медсестра, прохаживаясь среди карточек.

– Да вот это, это, – сказал мужчина, подходя к окну и протягивая мыльницу, – спирт.

Он отступил на шаг и натянул маску на нос. Когда он поднял маску на нос, от дыхания, выходящего из его рта, запотели стекла очков, и он перестал видеть.

– Откуда нам знать? – промолвила на сей раз светловолосая медсестра, которая сидела по другую сторону окна, смотрела в карточку и заполняла документы. – Прикрепи к двери. Пусть входящие спиртуют руки.

– Разве там есть место? – мужчина повернулся и посмотрел на дверь. – Вы задаете мне лишнюю работу. Да сразит Бог того, кто выдумал эту корону. Спокойно ведь себе жили. Из-за него мы не сможем поехать в район на праздник, – похоже, мужчина хотел выплеснуть свою боль, потому и говорил некстати.

– Разве дверь – это не место? Почему ты не сможешь поехать?

– Говорят, что тех, кто прописан в районах, не пустят в Баку, когда они вернутся после праздника. Кроме того, кажется, мы работаем и в праздники, вот я и не пойму.

– Тебя лучше вообще никуда не пускать, – засмеялась медсестра, прохаживающаяся среди карточек.

– Хватит. Сам виноват, что делюсь с вами, – рассердился мужчина. – Куда теперь это прибить? К двери тяжело – стена каменная, а вот тут – дерево.

– Прибей к окну, дядя Фамиль, – сказала нежным голосом молодая девушка в серой водолазке, из которой ее маленькие круглые груди выпирали, как пара грязе-

вых вулканов; она вышла в узкой черной юбке выше колен из соседней комнаты, засунув руки в карманы белого халата. – Пусть подходящие к регистратуре спиртуют руки, – сказала она и, словно ожидая благодарности или какого-то знака в обмен на такое любезное предложение, посмотрела на него, и на мгновение их глаза встретились. Ему были видны только её глаза и брови, потому что на лице у женщины была маска. Края ее черных миндалевидных глаз были удлинены, а ее длинные ресницы плясали в воздухе, когда она моргала. Ему казалось, что он никогда в жизни не видел такого чуда. Женщина отвела взгляд от его глаз, которые глядели на нее с изумлением, и упорхнула вглубь коридора.

Никто больше ничего не добавил к ее словам.

Сколько раз он видел такие красивые глаза с тех пор, как распространилась угроза коронавируса! Сначала он не знал причины, но по мере того, как его удивление перед женскими глазами росло, он понял, что это потому, что женщины были в масках. В дополнение к их важной миссии по защите людей, синие медицинские маски перекрывали переднюю часть лица, с мастерством настоящего концептуального художника позволяя глазам раскрыть их эстетические возможности.

– Эхе, эхе, – кашель, который взорвался гранатой в его груди и обжег легкие, вырвавшись изо рта, пресек культурологические потуги сознания. «Ты пришел сюда не для того, чтобы погружаться в философские и эстетические мысли», – подумал он.

– Участковый врач на месте?

– Да, – сказала открывшая ему карточку светловолосая медсестра, не поднимая головы.

– Подождите пять минут, я заполню карточку, и вы подниметесь к ней.

Человек, которого доктор с красивыми глазами назвала дядей Фамилем, больше не встревал, но, тем не менее, наводил трепет ударами своего молотка.

Крашенная блондинка поглядывала налево и направо, пока заполняла карточку. Ему казалось, что он вернулся на 30 лет назад на машине времени. Одинаковые высокие коридоры, одинаковые плиты на полу в форме ульев, изъеденные лестницы, длинные, тускло освещенные деревянные окна и пожелтевшие, покрытые натуральным архивным окрасом карточки, тесно расставленные на полках. Очень немногие детали нарушали эту древность – государственные символы на стене, картины или мыльница, которую доктор с красивыми глазами попросила дядю Фамиля прибить к стене. В прежние времена таких емкостей или жидкого мыла и в помине не было, они появились совсем недавно. С падением советской власти на смену русскому мылу «Балет», «Свобода», «Алиса», «Тик-так», «Цветное» и «Яблоневый цвет» в ярких обертках пришли ядовито-синее иранское мыло, от которого щипало кожу.

– Ваша профессия? – медсестра из регистратуры вывела его из мира грез, а пухленькая медсестра, которая прохаживалась среди карточек, все еще складывала какие-то документы. В последнее время он часто вспоминал свое детство, как будто ему нечем было радоваться в середине жизни, и часто погружался в свое детство, утешаясь тем, что сдувал пыль с крохотных воспоминаний, найденных там.

– Журналист.

Пишущая женщина подняла голову и посмотрела ему в лицо, как будто профессия человека написана на лбу, и она хотела посмотреть, не лжет ли он. Правда, людей с такими способностями немало, но ему не верилось в существование этой способности у блондинки.

– Ну, очень хорошо, – сказала она, снова опустив голову.

– Готово, – прогремел дядя Фамиль.

Пухлая медсестра, прогуливающаяся среди карточек, подошла к окну, осторожно высунула голову и краем глаза посмотрела на прибитую к окну мыльницу, наполненную спиртом.

– Хорошо. Спасибо, дядя Фамиль.

Этот маленький человечек по имени Фамиль, который помимо того, что приходился дядей всем здешним врачам, беспокоился также о том, что не сможет поехать в район во время праздника. Он прихватил принесенный с собой молоток и ушел, ничего не сказав. Жаль.

Ездить на Новруз в родной край было его любимой привычкой. Хотя он жил в Баку, каждый год он уезжал рано утром 20 марта в деревню, посещал кладбище и обычно возвращался после полудня. В этот день все родственники бывали там: и живые, и мертвые. В этот день встречались те, кто истосковался по встрече. Если бы он не заболел и если бы не запретили посещать районы из-за коронавируса, он мог бы быть одним из гостей на пиру.

– Ваш участковый врач сидит на втором этаже в комнате 16, – обернулась к нему медсестра, «контролировавшая» работу дяди Фамиля. – Сейчас дадим карточку, подниметесь к ней.

– Ага, хорошо, – его голос под маской зазвучал глухо.

– Вы еще и журналист. Почему вы до сих пор не открыли карточку? – разведывательный вопрос медсестры прозвучал с насмешкой с силой в один балл.

Ему казалось, что пухленькая медсестра ходила среди документов понарошку, чтобы притвориться занятой, а ее настоящая профессия – допрашивать проходящих.

– Наверное, вы недавно переехали в этот район?

– Нет, почти 3 года.

– Тогда почему?

– Знаете? – он выдержал паузу, догадываясь, что она собиралась сказать, и дважды слегка кашлянул. – В последний раз поликлинику я посещал в детстве.

– Почему? Не доверяете врачам? – с улыбкой на лице толстушка как бы говорила: «Послушайте, мы не из тех врачей». Она чуть ли не покачивала телесами на манер кокеток, пытающихся сильнее влюбить в себя любовников, но, к счастью, они не были любовниками, да и это наполовину гимнастическое, наполовину флиртное движение никак не шло ее талии, напоминающей талию моржихи.

Другая медсестра все еще переворачивала карточку снова и снова и что-то писала.

– Вопрос не в том, стоит ли доверять врачам. При необходимости я хожу в больницу, частные клиники. А так стараюсь обходить врачей.

– Очень напрасно, – снова хитро улыбнулась «моржиха».

– Если бы я знал, что ваша поликлиника такая...

– Какая?

– Она напомнила мне поликлинику, в которую я ходил в детстве, мне очень понравилось. Давно надо было зарегистрироваться. С этого момента я буду приходить чаще.

– Не дай бог, но всегда добро пожаловать.

«Интересно, так ли они ласковы со всеми, или они смягчились, узнав, что я журналист?» – подумал он про себя.

– Пожалуйста, вот ваша карточка, второй этаж, 16-я комната, – сказала блондинка, протягивая ему удостоверение личности и документы.

– Вернуть его вам, когда уйду?

– Нет, пусть остается у доктора, – опередила напарницу толстая медсестра.

– Хорошо, спасибо большое, – он взял карточку и посмотрел на обложку.

С краю карандашом было написано «журналист». Он улыбнулся. Оказалось, что он носил с собой историю болезни не только в качестве пациента, но и как посыльный с важными новостями: будьте осторожны, перед вами – журналист.

– Сколько я должен?

– Нисколько. Это государственная больница, все бесплатно.

Пухлая медсестра, стоявшая над головой госпожи делопроизводительницы, попыталась искренне улыбнуться, но на ее лице была заметна неопытность первокурсницы факультета актерского мастерства, которая еще не научилась искренне улыбаться.

– А доктору? – всё равно у него в кармане было всего пять манатов, остальное лежало на карте.

– Абсолютно ничего, – снова тот же смех.

Утром он вышел из дома в такой спешке, что не успел снять деньги в банке.

– Тогда позвольте мне этого спирта на почин, – сказал он, отправив карточку себе под мышку и протягивая руки под мыльницу. – И счастливого Новруза, – так же театрально улыбнулся он и, кажется, у него это вышло лучше, но вдруг вспомнил, что улыбка пропала под маской, которая скрывала большую часть лица.

Он поправил маску и поднялся по лестнице.

Он сильно кашлял около недели, болело горло, температуры не было, но ощущалась слабость. Каждый день на работе полушутя-полусерьезно его просили не приходить: если вдруг заразишься коронавирусом, нас тоже заразишь, – говорили ему. Однако по мере того, как количество заражений в мире и в стране увеличивалось, намеки становились все менее и менее шутливыми. Поэтому он не выходил на работу три дня и отлеживался в постели. Всё равно до праздника Новруз оставалось мало, лучше отдохнуть дома.

Сегодня днем, увидев, что кашель усиливается, жена нашла номер телефона и позвонила в поликлинику, где они до сих пор не были зарегистрированы. Когда она узнала, что участковые врачи работают только до 12 и скоро уйдут, то она наказала ему не медлить, вызвать такси и немедленно ехать в поликлинику. Как будто жена заподозрила, что у него может быть коронавирус. С момента появления этой заразы выйти из дома и войти обратно было труднее, чем войти в посольство Израиля. Жена устроила дома частный Оперативный Штаб, часто собирая его и сына на пресс-конференцию за кухонным столом, вводя строгие ограничения: не выходить без маски, придя с улицы, первым делом – в ванную, 30 секунд мыть руки с мылом, снимать обувь снаружи, войдя в квартиру, немедленно менять верхнюю одежду и не бросать её куда попало, ничего не трогать снаружи, а если тронули, то «проспиртоваться», а главное – не ходить на кухню и не открывать крышку кастрюли, не вымыв руки, – последний запрет относился лично к нему.

Он немного опустил маску. Поднимаясь по лестнице, он пыхтел, стекла очков затуманились.

Вот и 16-й номер.

Участкового врача на месте не было. В соседней комнате ели две женщины, одна пожилая, другая молодая, по их голосам он не смог определить врачи они или медсестры.

Пожилая сказала молодой:

– Ты мыла руки?

– Да.

– Моя дочь говорит, чем плох в коронавирусе, так это тем, что посреди еды ты вдруг вспоминаешь, что не вымыл руки, и весь аппетит пропадает.

Они засмеялись. Ему тоже понравилась беседа.

– На днях я спрашиваю своего племянника, который учится в третьем классе, почему ты не ходишь в школу? А он возьми да ответь: у нас праздник коронавируса, нас отпустили на каникулы. – А это сказала молодая медсестра. Они снова засмеялись.

– Нынешние дети за словом в карман не лезут. Вот и мой внук...

Он прошел немного вперед, чтобы увидеть, та ли самая это девушка с красивыми глазами, которую он только что видел. Нет, не она.

Увидев его, женщины смолкли, пожилая вышла в коридор узнать, что ему нужно, и сказала, что участковый врач на собрании и скоро придет.

Дверь в кабинет участкового врача была открыта.

В коридоре сидеть было не на чем, поэтому пожилая медсестра не возразила, чтобы он вошел и подождал.

Она вошла за ним.

– Я помешал вам поесть.

– Все в порядке, – сказала женщина.

– Собрание связано с коронавирусом? – спросил он из любопытства.

– Да, мы перешли в усиленный режим. Будем работать в праздник.

– Тетя Фатма, ты идешь?

Вероятно, это была девушка, которая ела, она звала сотрапезницу к столу.

Пожилая медсестра оглянулась и ответила:

– Есть больной.

Ему показалось, что женщина употребила слово «больной» не в медицинском смысле, а в смысле «глупый человек», который прервал их трапезу.

– Я подожду в коридоре, – сказал он.

– Не волнуйтесь, у меня уже дела в комнате.

– Поздно придет? Мне сказали, что она будет здесь до двенадцати.

– Сейчас придет.

Он сел в кожаное кресло цвета сумаха, стоявшее перед окном. Медсестра пошла к шкафу и начала разбирать медицинские принадлежности.

Он оглядел комнату. Здесь всё – все медицинские инструменты, названия которых он не знал в точности, стерилизатор, медицинские горшки, весы, даже длинное кожаное кресло цвета сумаха перед окном, стол и стулья – всё было советских времен. Стерилизационная машина была промаркирована буквами на кириллице. Как будто здесь не царил атмосфера независимости. Честно говоря, он был этому больше рад, чем сожалел. Каждый предмет напоминал поликлиники, которые он некогда посещал. Как будто он попал в музей истории медицины. Он подумал: интересно, есть ли в Азербайджане такой музей? Ему пришло в голову, что здесь, словно в настоящем павильоне, можно снять фильм о советских временах.

– Почему тут всё без ремонта?

– Говорят, денег нет.

Пожилая женщина щедро разбалтывала секреты поликлиники, потому что не знала, что он журналист.

– Сколько мне дать врачу?

Она обернулась и подозрительно посмотрела на него.

– Вы впервые идете к врачу?

– В частных клиниках цены на все говорят заранее, и ты знаешь, что делать, даже если это дорого. Мне сказали, что государственные больницы бесплатные, вот я и пришёл.

– Государственная больница – пустое название. Покупаем все из собственных карманов.

– Мне сделают рентген? – поинтересовался он, так как жена проинструктировала его по этому поводу.

– Это скажет врач.

– Сколько я ему должен дать?

– Смотрите сами, наверно, 5 манатов. Пленку тоже покупаем сами.

На самом деле он очень волновался, вдруг у него попросят денег, что он будет делать?

– Я журналист. Если обследование платное, я позвоню в соответствующие ведомства и спрошу, зачем они обманывают народ? Почему они не обеспечивают больницы лекарствами и пленками?

Медсестра опешила. Он понял, что поступает неблагородно, но слово – не воробей.

– Хоть здесь журналистикой не занимайтесь. Разве вы всегда пишете правду? – спросила медсестра обиженно.

Он растерялся:

– Не могу говорить за других, но я...

Она перебила его:

– Видим всё на сайтах. Не думайте, что я не пользуюсь интернетом, раз пожилая.

Разговор свернул в не очень хорошую сторону. Оторвал от еды женщину, которая ему в матери годится, а затем довел до белого каления. Ему захотелось разрядить ситуацию:

– Как назло, я не прихватил с собой денег. Поблизости есть банкомат? Может, мне пойти за деньгами до прихода врача?

– Как хотите, – недружелюбно сказала медсестра.

– Конечно, как хочу, – сказал он, не отступая на этот раз. – Я просто хочу знать, не продлится ли собрание. Если да, пойду и найду банкомат.

Тут вошла врач средних лет.

– Севиль-ханым, у вас пациент, – выпалила медсестра, с которой он разговаривал, будто избавлялась от него, – к тому же, он журналист.

– Очень хорошо, – сказала врач, оборачиваясь к нему, – извините, заставила ждать, мы были на собрании.

– Нет проблем, я боялся, что вы уйдете и не успеете меня принять.

– По какому адресу вы проживаете? – доктор села за свой стол.

Сказав адрес, он последовал приглашению врача и сел напротив.

– Я вас никогда не видела.

– Я прихожу впервые.

– Можете дать карточку? – она открыла карточку и увидела, что та пустая. –

Почему вы до сих пор не зарегистрировались?

– Честно говоря, избегаю врачей, немного халатен.

– Ясно. На что жалуетесь?

– Кашляю, болит горло. Боюсь, вдруг у меня коронавирус.

– Сейчас проверим. Температура есть?

– Нет.

– Измерим, – сказала она, открывая тумбочку рядом со столом и беря градусник.

– Сколько дней вы болеете?

– Около недели.

– Вы куда-нибудь ездили в последние четырнадцать дней?

– Нет.

Она вынула термометр из контейнера и протянула ему: – Пожалуйста, положите себе подмышку. Вы контактировали с иностранцами?

– Нет.

В это время в коридоре раздался голос пожилого мужчины:

– Кто собирает деньги?

Мужчина просунул голову в дверь, как змея в дупло дятла. Он посмотрел на мужчину снизу вверх, тот был лыс.

– Доктор Севиль, вы давали? Главврач сказал, что мы собираем по 1 манату, да?

– Положите за меня, я верну.

– Хорошо, – сказал человек, утягивая голову, точно змея из гнезда, и удалился, грохоча, как железная банка на ветру.

– Пожалуйста, подойдите к окну.

Он прошел и стал ждать. Врач что-то записала в карточке и сорвала бумажную обложку с деревянной медицинской ложки в виде бляшки, взятой из пенала на столе. Она встала и подошла к нему.

– Широко откройте рот и высуньте язык.

Доктор одной рукой направила фонарик ему в рот, а другой сунула ложку: у него образовался рвотный рефлекс.

– Потерпите минуточку, – сказала доктор.

Присутствие инородного тела в горле вызывало тошноту, но он кое-как удержался.

Доктор закончила осмотр и сказала:

– У вас опухло горло, наверное, выпили холодной воды.

– Ей-богу, не помню, – беспомощно пожал он плечами.

– Дайте мне градусник.

Он достал термометр и осторожно протянул его. Врач посмотрел на градусник:

– Температуры нет. Пожалуйста, снимите верхнюю одежду. Затем поднимите свитер.

Он повернулся к окну, снял куртку и приподнял свитер. Врач приложила к его спине фонендоскоп. Хотя ему было стыдно показывать свое тело чужой женщине, холодное прикосновение инструмента отогнало весь стыд.

– Вдох-выдох. Не спешите.

Он сделал, как сказала доктор.

Длинное деревянное окно выходило во двор поликлиники. Во дворе росли высокие деревья, розы, несколько безымянных цветочных кустов и темнел пересохший бассейн. Изредка появлялись мужчины и женщины в белых халатах, а также посетители без халатов, которые пришли на обследование. Он поискал взглядом, но не нашел доктора с прекрасными глазами, зато увидел дядю Фамиля: на сей раз он, опустив маску под подбородок, тянул толстый желтый шланг, напоминающий анаконду и, хотя небольшие габариты портили его сходство с силачом, сражался со шлангом как, Бахрамгюр с драконом, и победа была близка.

– Вдох, – участковый врач водила фонендоскопом по его спине, словно играла в шашки.

Какой тихий дворик с другой стороны здания поликлиники, вдали от кипучей городской атмосферы! Точно как воспоминания! Он на мгновение ушел в грезы, ища свое детство посреди двора. Ему казалось, что он потерял детство в таком тихом месте и не может его найти даже после многих лет поисков.

– Можете опустить рубашку. – Сказала врач, садясь за стол, – ничего серьезного. В любом случае сделаем рентген. Я сейчас вас направлю.

Они прошли через двор, в который он только что выглянул из окна, чтобы сходить на рентген.

Это была одноэтажная постройка, примыкающая к главному корпусу. Участковый врач пришла вместе с ним и попросила подождать в первой комнате, сама зашла в комнату, затем вышла и сказала рентгенологу, что у нее пациент, и ушла.

В помещении, которое можно было бы назвать приемной, не было ничего, кроме старого стола янтарного цвета.

Он прошелся внутри. Остановился перед окном, выходящим во двор. Белые доски окна и края грязного стекла покрыты паутиной. Оттуда он посмотрел на бассейн, деревья и прохожих, всё как будто из фильма советских времен. Он вспомнил, что стены поликлиники, которую он посещал, украшали изображения улыбающихся детей. А эти стены почти стыдились своей наготы.

– Идемте, – окликнула врач-рентгенолог после ухода предыдущего пациента. На столе позади врача были разложены пленки размером с карточки.

– Снимайте верхнюю одежду и проходите сюда, – сказала она, указывая рукой.

То, что врач-рентгенолог назвала «сюда», было таким же старым и истощенным, как и она сама, но большим рентгеновским аппаратом. Ему давно место на металлостанке, но здесь вот пока пользовались. Трудно было поверить, что это огромное устройство, напоминающее сломанный комбайн, брошенный на край зернового поля, может заснять внутренности человека. Женщина завела машину. Ему казалось, что устройство, в которое он вошел, сейчас сплющит его как бутерброд. Он раскрыл руки и ждал. Женщина подняла какой-то рычаг на фоне хрипа умирающей машины. Глядя на ржавую металлическую пластину перед собой, он подумал, что было бы здорово, если бы хоть одна из врачей, которые общались с ним в течение длительного времени, оказалась той девушкой с прекрасными глазами, мир не рухнул бы. Почему-то ни одна из врачей не оказывалась той девушкой, и мир не рушился. Может, коронавирус и был обрушением мира, как знать!

– Готово, выходите.

Он оделся и спросил:

– Сколько?

– Нисколько, – вероятно, участковый врач успела ей сказать, что он был журналистом, не то кто стал бы делать ему бесплатный снимок.

– Пленки для рентгена дает государство?

– Как-нибудь сами обходимся, – ответила врач, заполняя карточку, – результат узнаете у участкового врача, он будет известен через 3 дня.

Ему стало жаль старую женщину, интересно, сколько радиации она получила за все эти годы?! Но все еще жива. Он хотел отдать этой женщине единственные пять манатов, что лежали у него в кармане. Затем передумал, желая сохранить в своей биографии первое бесплатное медицинское обследование. В конце концов он решил отдать деньги участковому врачу.

– Доктор, ничего серьезного нет? – он снова был в кабинете врача.

– Нет, просто нужно немного побыть на постельном режиме. Сейчас я пропишу вам пару уколов и таблеток.

– Я не подхватываю коронавирус?

– Нет, никаких признаков не видно. Но в любом случае нужно быть осторожным.

– Доктор, как вы считаете, коронавирус представляет собой серьезную угрозу или нет? – Он читал и писал десятки новостей в день о вирусе, но, несмотря на это, спросил с наивностью ребенка. Как будто все ответы были спрятаны между губами доктора, «арестованными» за маской.

– Да, это серьезно. Разве вы не следите за тем, что происходит в Китае, Иране, Италии?

– Что же нам делать? – разговор неизбежно сосредотачивался на той теме, о которой они говорили каждый день на работе.

– Необходимо строго соблюдать правила гигиены. Носите маску, соблюдайте социальную дистанцию, не ходите в людные места, старайтесь оставаться дома. Вот так.

Оба замолчали.

– Пропишу вам уколы и лекарства. Есть кому колоть?

– Жена может, это сильные уколы?

– Это витамин С, – сказала врач, продолжая писать.

Он вынул пятерку из кармана и сунул купюру между стопками бумаг на столе.

– Доктор!..

– Что вы? – возразила доктор, не поднимая головы.

– Да так, пустяки. Вам тяжело приходится. И я только что увидел, что собирают деньги. Мы перешли на обязательное страхование, но до сих пор эти вредные привычки нас не отпускают.

– Не говорите. Но в этом не было необходимости. Хорошо, что вспомнила, я написала на рецепте номер телефона. Сфотографируйте удостоверения личности тех, кто прописан в вашей квартире, и отправьте на мой ватсап.

– Для чего?

– Мы как-то пришли зарегистрировать вас, но никого не было дома. Это необходимо для обязательного страхования. Мы всех регистрируем.

– Хорошо.

– Я открываю вам бюллетень. Придете через три дня, я вас осмотрю и при необходимости продлю еще на три дня.

– Двадцать второго?

– Да.

– Будете работать?

– Да, на праздник будем работать.

– Тяжелая у вас работа. Бог в помощь.

Он положил рецепт в карман и вышел из комнаты, спустившись по лестнице. Сначала он снова захотел «проспиртоваться» перед регистратурой, потом передумал, чтобы не встречаться с тамошними медсестрами. Ему показалось, что он поступил неправильно, ничего не давая медсестрам. Он схватился, как рак клешнями, двумя пальцами за длинную железную ручку тяжелой деревянной двери, чтобы не пачкаться, и кое-как выбрался наружу.

На улице стояла солнечная погода, возвещавшая о приходе весны. Он спустил маску на подбородок и, несмотря на болезнь, вдохнул полной грудью холодный воздух. На сей раз обошлось. Но все равно нужно быть осторожным. Идя к автобусной остановке, он подумал, что купит как можно больше спирта и масок в первой попавшейся аптеке, и что останется дома во время каникул, как бы это ни было сложно.

И тут ему встретилась девушка в маске. Он невольно улыбнулся. Он подумал, что коронавирус принес и хорошее: например, девушек с красивыми глазами.